

Убедившись, что та вернула свой прежний облик, Ланс сгнал с лица тревогу. Он верил, что она сможет справиться с чувствами; просто сейчас ей было слишком тяжело всё принять. В конце концов, она воссоединилась с младшим братом всего несколько дней назад, толком даже не успев с ним пообщаться, а затем своими глазами увидела, как тот срывается с крыши. Как тут ее душе не растрогаться?

— Пусть будет мальчик, — это решение она обдумывала много дней. Сама-то она не делала различий между мальчиком и девочкой, но вот насчет второй половины брата такого сказать было нельзя. В их семье больше заботились о продолжении рода, так что мальчик был более надежным вариантом. Ну а что до девочки — об этом можно будет поразмыслить, когда братишка придет в себя!

— Хорошо, тогда жди через десять месяцев, когда сможешь потискать племянника!

Услышав явную радость в голосе Ланса, Мин Юэ тоже воспряла духом. Новость была поистине чудесной. С легкой улыбкой она спросила:

— А он будет чем-то отличаться от других детей?

— Разумеется, нет, за это я могу поручиться, — Ланс уверенно хлопнул себя по груди. — Разве что его родители будут отличаться от остальных, а во всем остальном — ни малейшей разницы. В будущем он сможет спокойно и жениться, и завести детей! Если же вдруг возникнут какие-то проблемы — пока я рядом, это вовсе не проблема, можешь не переживать!

— Спасибо тебе, Лан!

Сердце переполняла небывалая нежность. Прижавшись к его груди, Мин Юэ искренне благодарила его. В такие тяжелые дни благодаря его поддержке и утешению всё казалось уже не столь невыносимым. Быть может, Ланс и впрямь был ее запоздалой любовью? Пожалуй, ей стоило дать шанс и ему, и самой себе — позволить им обоим как следует испытать любви, вкусить ее прелесть, ощутить то самое вихревое, рожденное ради любви и готовое умереть за нее чувство, прекраснейшее на свете...

Заметив неуловимую перемену в Мин Юэ, синеглазый Ланс вмиг потеплел взглядом. Он наконец дождался этого дня! О небеса ведали, как долго он этого жаждал. Он благодарил небеса, благодарил землю и еще сильнее — Хэя, который сейчас лежал без чувств на постели. Без его невероятного, превосходящего все мыслимые пределы решения разве смог бы он так быстро растопить сердце красавицы?

Цзинь-сэ, без всякой причины — пятьдесят струн,

Каждая струна, каждый колышек будят память о лучших годах.

Цжуан-цзы видел во сне бабочку и заблудился в иллюзиях,

А весеннее сердце вана Ван-ди отдал кукушке.

У синего моря при луне у жемчужин есть слезы,

В солнце согретой лантяньской яшме рождается дым.

Разве это чувство станет лишь воспоминанием?

Только в тот миг всё уже было туманным и зыбким. — «Цзинь-сэ», Ли

Том второй. Сон, оборванный тысячеликим эхом

Глава 001. Отречься бы друг от друга

Одиноким мужчина стоял, глядя на обнимающихся и тесно прижимающихся друг к другу людей впереди. Он был обращен спиной к солнцу, из-за чего лица его разглядеть не удавалось, но по крепко сжатым кулакам можно было догадаться, до чего же он был разъярен. Наконец тесно сплетенные в объятиях и поцелуе мужчина и женщина отстранились друг от друга и, переговариваясь и смеясь, удалились...

Долгое время спустя подглядывавший мужчина наконец вышел из-за скрывавшего его дерева. Если взглянуть, невольно пришлось бы восхититься: какая же чистая, светлая и одухотворенная юношеская красота! Скошенные к вискам мечевидные брови, глаза — словно яркие звезды, зрачки черны, как лак, прямой нос, а на белой коже едва заметен легкий розоватый румянец — поистине непревзойденный, несравненный красавец. Только... зачем же он прятался за деревом?

Хэй Минян — так звали подглядывавшего юношу!

Он смотрел вслед удаляющейся парочке, и его глаза мгновенно покраснели. Он сдерживался, не позволяя слезам пролиться. На душе было так тяжело, что и не передать словами: больно? Безумно больно! Ранено? Глубоко ранено! Оказывается, каково это — когда тебя предают... это же пронзает сердце насквозь, до самой кости!

Еще вчера между ними пылала страсть, а сегодня он взял и полюбил другую. Выходит... человеческое сердце способно меняться так стремительно. Выходит... их любовь и впрямь была недолговечной, и им было не суждено идти рука об руку!

Слезы все-таки пролились! Налетевший порыв ветра растрепал его волосы и заставил развеваться верхнюю одежду... Слёзы беспрестанно катились по щекам, и он горько раскаивался!

Его любовь все же досталась тому, кому не следовало. Их чувству было предначертано остаться отвергнутым миром: полюбить собственного наставника, полюбить мужчину... Каким же самоуверенным он был когда-то! А теперь... увидев предательство любимого человека своими глазами, как он мог простить? Как мог продолжать любить? Только... отданную любовь уже не вернуть!

Раньше он думал, что наставник, как и он сам, плевать хотел на чужие мнения и предрассудки. Теперь же выяснилось, что он ошибался — причем чудовищно, непростительно ошибался. Наставник очень даже дорожил тем, что думают другие.

Та женщина всего лишь слегка засомневалась в их чрезмерной близости, а наставник? Он вознамерился взять ее в жены, чтобы доказать их чистоту! А он? Кем же был он сам? Утешением для наставника в минуты одиночества? Или затычкой для постели, когда наставнику холодно?

В глазах простых людей наставник — спаситель мира, божественный врач, — конечно же, он будет дорожить чужим мнением! Ему не следовало быть таким глупым, доверчиво полагая, что их любовь преодолеет любые препятствия. Теперь-то стало очевидно, что он был слишком наивен, вечно всё упрощая, бездумно веря, будто ради него наставник бросит вызов всему миру. Выходило, что его тогдашнее самопожертвование, его безрассудная решимость были лишь шуткой — чудовищной, грандиозной шуткой...

Интересно, смеются ли они сейчас над ним оба? Не кувыркаются ли они прямо сейчас в постели, повторяя вчерашнюю нежность наставника к нему? Не потешаются ли над его глупостью?

— Ха... ха... — внезапно его безумный смех разнесся по всей тихой усадьбе. Смех был настолько горестным, надрывным и отчаянным, казалось, будто от него отвернулся весь мир!

Боль в груди вдруг пропала. Сквозь затуманенные слезами глаза ему чудилось, будто он видит самого себя, падающего с какого-то странного высокого здания. На лице того человека было такое безмятежное выражение, и он вдруг так позавидовал этому двойнику. Если бы всё могло начаться сначала, он бы охотно отдал собственную жизнь, лишь бы обменять ее на жизнь того парня. Увидев предательство наставника, он полностью утратил волю к жизни, и если взамен можно было обрести новое рождение, это можно было бы счесть за благодеяние для самого себя...

Кровь капля за каплей капала с уголка его рта на белоснежные одежды. Устроил ли он самоистязание? Нет, он просто уничтожил все свои боевые искусства. Лишенный культивации, он стал подобен увядшему дереву, обреченному не прожить и дня, — это было лишь изуверство иного рода.

Сзади послышался топот быстрых шагов. Услышав этот до боли знакомый испуганный возглас, который он когда-то жаждал слышать ежесекундно, теперь он не хотел внимать ему вовсе. Он не желал больше помнить о его доброте, не желал помнить ничего из того, что было между ними. Сейчас этот голос звучал для него не иначе как приговор, лишь ускоряя его шаги к вратам ада.

— Минянь, что ты творишь?!

Мужчина, что еще недавно целовался с женщиной, впопыхах опустился на колени рядом с Минянем. Его статная фигура и устрашающая аура неизменно привлекали к нему всеобщее внимание, но в этот миг его лицо было мертвенно-бледным, а в глазах читался глубокий, всепоглощающий ужас. Заметив кровь на теле и губах Миняня, он протянул руку, чтобы проверить пульс, — и кровь в его жилах застыла. Он никак не ожидал, что Минянь собственноручно разрушит боевое искусство поддержания здоровья, которое он специально для него выковал! Ведь после этого Миняню оставалась лишь верная смерть!

— Не твоё дело! — собрав последние силы, Минянь оттолкнул наставника — Хуанфу Цинкуана — и отлетел на порядочное расстояние. Ему не нужно было ни его спасение, ни его участие; во взгляде, брошенном на него, читались непреклонность и жгучая ненависть...

Увидев эту ненависть в глазах Миняня, Цинкуан замотал головой, страстно желая верить, что ему мерещится. Но когда он попытался снова подорогать к нему, в ответ вновь получил отказ. Оценив слабость юноши, он понял, что недавнее отталкивание и решимость выжали из Миняня последние соки. Цинкуан не мог позволить ему умереть: даже если он выносил ему обвинение, по крайней мере, требовалось узнать, в чем именно тот провинился!

Он подступил ближе снова, но на сей раз Цинкуан не забыл заранее запечатать точки на теле Миняня. Он не даст ему умереть! Поспешно приступив к исцелению, он стал вливать собственную внутреннюю энергию в тело Миняня, однако та уходила словно в бездонный океан, не принося ровным счетом никакого результата. Не сдаваясь, он продолжал перекачивать силы, но всё было тщетно — он лишь чувствовал, как жизненная сила Миняня тает капля за каплей...

— Души и сны не держатся друг за друга, отречься бы нам друг от друга... — потускневшие глаза Миняня тупо смотрели на правильный профиль Цинкуана, а губы беззвучно шептали: — На небесах и в миру — никогда больше не встретимся!

Едва смолкли эти слова, как Минянь медленно смежил веки. И даже умерев, он уносил с собой в памяти предательство Цинкуана. Он не хотел помнить его, он хотел забыть...

— Нет, Минянь, нет! — не жалея сил, Цинкуан продолжал вливать свою внутреннюю энергию. Почему? Почему Минянь дошел до такого? Еще сегодняшним утром он был совершенно здоров, отчего же в мгновение ока всё перевернулось?!

Внезапно пальцы уже испустившего дух Миняня чуть-чуть дрогнули. Хоть это движение было

едва уловимым, Цинкуан все же почувствовал его. Неужели его искренность растрогала небеса?! Охваченный надеждой, он испуганно и нежно позвал:

— Минянь?

В ответ царила лишь глухая тишина. Минянь по-прежнему безвольно лежал без сознания в его объятиях. Задавив поднявшийся страх, Цинкуан протянул палец к его носу: слава богу, дыхание теплилось...

Бережно подхватив Миняня на руки, он зашагал в сторону алхимической печи. Лишенный теперь поддержки боевых искусств, Минянь был слаб, его хрупкое тело не вынесло бы такого удара, и ему непременно требовалось укрепить здоровье. Цинкуан был вынужден несколько дней выдерживать его в целебных отварах — иначе в будущем Миняню было бы не совладать с зимней стужей и болезнетворными ветрами... При этой мысли шаг Цинкуана заметно ускорился. Том второй. Сон, оборванный тысячеликим эхом

Глава 002. Кто ты? Кто я?

Миновав ослепительно светлый участок пути, я вновь погрузился во тьму. Снова и снова бежав между светом и мраком, я наконец заметил впереди просвет и без колебаний бросился туда...

В тот же миг мимо меня промелькнул точно такой же человек, как я. Я хотел окликнуть его, но не смог раскрыть рта, оставалось лишь завороченно смотреть, как он удаляется, пока не растворился в темном мире. Внезапно налетел неистовый шквал, меня затянуло в водоворот, и я снова провалился во тьму...

Издав тихий стон, я почувствовал, что голова раскалывается от боли, а ломит каждую клеточку тела. Медленно разлепив веки, я первым делом увидел искусно резной полог кровати. Слегка повернув голову, заметил, что вся комнатка обставлена изящно, уютно и со вкусом. Где это я?

Скрип...

Дверь отворилась, и в комнату вошел статный мужчина с мощной, давящей энергетикой, неся в руках миску с лекарством. Заметив, что я смотрю на него во все глаза, он тут же подлетел к постели, приподнял меня и с радостным, ликующим блеском во взоре хриплым голосом спросил:

— Минянь, ты очнулся? Как ты себя чувствуешь? Где-нибудь болит?

— ...Воды... — жгучая боль в горле не давала выдавить и слова, удалось лишь прохрипеть словечко. Быть может, смочив горло водой, я сумею ответить ему толковее?

— Хорошо, — Хуанфу Цинкуан немедленно налил чашку чая и поднес к губам Миняня, бормоча

на ходу наставления: — Пей медленно, осторожно, не подавись!

— Спасибо.

Он казался неплохим человеком. Вежливо поблагодарив его, я окинул взглядом окрестности: что со мной стряслось? С чего это я вдруг оказался здесь? Внезапно голову пронзила острая волна боли. Я машинально схватился за лоб, пытаюсь нашарить в памяти хоть что-то из прошлого, но там было абсолютно пусто. Кто я? Кто он такой? Что это за место?

— Минян, в чем дело? Тебе плохо? — с беспокойством поинтересовался Цинкуан, видя, как тот держится за голову и стонет.

— Ты кто? — он был первым человеком, которого я увидел, и от него подсознательно веяло доброжелательностью. Если не спросить у него, то у кого еще? Ухватившись за полу его одежды, я испуганно выдохнул: — А кто я сам?

— Что? Что ты сказал? — услышав этот вопрос, Цинкуан отразил на лице ужас, остолбенело вцепился в плечи Миняна и с неверием переспросил: — Повтори еще раз!

— Скажи, кто ты? И знаешь ли ты, кто я?

Глядя на его горе, я почему-то почувствовал, как в груди заныло. Но в голове царила звенящая пустота, не было ни единой зацепки. Мой внутренний страх и тревога разрастались до бесконечности: пусть он даже не скажет, кто он такой и кем мне приходится, сейчас главным было одно — непременно узнать, кто я сам!

Цинкуан вдруг вспомнил те слова Миняна — души и сны не держатся друг за друга, отречься бы нам друг от друга... Неужели Минян и впрямь забыл его? Нет, невозможно! Как он мог его забыть?! Оторопев от шока, он снова заглянул Миняну в глаза — те были чисты, как родник, белы как лист, в них плескались лишь капелька сомнения и испуг, а кроме этого — ничего... Ни его самого, ни других людей, словно не существовало даже самого Миняна...

— Ты... с тобой всё в порядке? — меня испугало безумие в его глазах, я инстинктивно попытался отпрянуть назад, но он лишь крепче сжал мои плечи. Было больно, но пикнуть я не смел: неужели он хочет прикончить меня?

— Почему? Почему ты решил меня забыть? Почему?!

Осознание того, что Минян боится его, лишило Цинкуана последних остатков хладнокровия. Он принялся трясти юношу, рывая на него, совершенно забыв, что тот лишь миг назад пришел в себя и его израненное тело и душа не выдержат никаких потрясений!

— Пу... пусти меня! — неизвестно откуда взявшиеся силы и храбрость позволили мне изо всех

сил вырваться из его хватки. Я тут же шарахнулся в самый угол кровати, отгородившись одеялом, и вперил в него настороженный взгляд, боясь, как бы он не выкинул еще какого-нибудь безумства. Он выглядел до жути пугающе, мне было так страшно...

— Не бойся, я не причиню тебе вреда! Иди сюда, хорошо?

Видя столь явную защитную реакцию, сердце Цинкуана сжалось от горькой боли, но пугать мальчишку было нельзя. Почему он вынес ему обвинение, даже не огласив сути преступления? Что же такого он натворил, раз Минян решился на столь жестокую клятву? Неужели всё это так и останется тайной за семью печатями?!

— Не пойду!

Взвесив текущую обстановку, я пришел к выводу: хоть он пока и не сделал ничего плохого, выражение его лица было ужасающим — выглядело так, будто я совершил какое-то смертное грехопадение. Ну забыл я его, подумаешь! К тому же я забыл даже собственное имя, и это я еще не злюсь, с какой стати беситься ему? Вот же ненормальный!

Разумеется, всё это я лишь мысленно крутил в голове — высказать такое вслух у меня духу бы не хватило. Мало ли кто он — добрый человек или злодей?

— Не пойдешь? — услышав нечто столь невероятное, словно беседу с духами, Цинкуан помрачнел еще сильнее. В его взгляде проступили злость и гнев, и он процедил с пугающим спокойствием: — Повторяю еще раз: иди сюда!

— ...

Я не смел издать ни звука. Он казался всё более разъяренным. Следя за ним во все глаза, я отчаянно затряс головой. О нет, он протянул руку, он... что он удумал?! Путей к отступлению не осталось, оставалось лишь покориться его хватке...

— Ай...

Этот истошный вопль издал я. И не сомневайтесь — он отшлепал меня по мягкому месту! Ненавижу его! Мелкий подлюга! Ну забыл я его, и что с того? Разве можно так мстить? Тц...

От подобных эмоциональных качелей я не вынес потрясения и потерял сознание. Самой последней мыслью перед тем, как провалиться во тьму, было непреклонное решение: во что бы то ни стало сбежать от этого типа, сбежать как можно дальше! Том второй. Сон, оборванный тысячеликим эхом

Когда я очнулся в следующий раз, того свирепого мужика поблизости не оказалось, чему я тихонько порадовался. Окинув одеяло в сторону, я на цыпочках прокрался к окну и выглянул наружу: беседки, павильоны, извилистые галереи, альпийские горки, сосны... Чего здесь только не было! Вокруг расстилалась дивная картина, только... у меня в памяти не отложилось ни единого образа. Голова по-прежнему оставалась пустой, словно я вовсе не имел к этому месту никакого отношения и возник здесь из ниоткуда!

— Эх... — тихо вздохнув, я бесцельно примостился на мягкой тахте у окна и тупо уставился на только что распустившуюся весеннюю ветку бегонии. Смогла бы она подсказать мне, кто же я на самом деле?

Скрип...

Дверь отворилась. Я настороженно вскинулся, впившись взглядом в ногу, первой перешагнувшую порог. Когда ее обладательница вошла целиком, я с облегчением выдохнул: не тот тип! Это была девушка. С озадаченным выражением лица я разглядывал ее: изумрудно-зеленый наряд, розовые вышитые туфельки, скромные черты лица, две пухлые гульки на голове, на вид около восемнадцати. Заметив в ее глазах искреннее дружелюбие, я выпалил первое, что пришло на ум:

— Ты кто?

— Приветствую молодого господина, — девушка была служанкой, присланной Хуанфу Цинкуаном, старшей горничной Виллы Хуанфу по имени По-яо. Поклонившись Миняну, она почтительно отрапортовала: — Служанка — горничная Виллы Хуанфу, По-яо!

Я ни капли не усомнился в ее словах — да у меня и не было права сомневаться. Раз уж я даже собственное имя позабыл, разве мог я судить, где ложь, а где правда? Охваченный порывом, я бросился к ней, вцепился в руку и отчаянно спросил:

— А ты знаешь, кто я?

— Молодой господин — второй юный господин Хэймин и старший ученик хозяина, Хэй Минян, — повинувшись указанию хозяина, По-яо выложила всё без утайки! Только... ее лаконичный ответ вряд ли мог кого-то удовлетворить. Впрочем, сейчас Минян не помнил ничего, так что деление на подробное и лаконичное для него не имело никакого смысла!

— Хэй Минян... Хэй Минян... — я принялся перекачивать это имя на языке. Оно казалось одновременно и знакомым, и чужеродным. Украдкой взглянув на нее, я отметил, что ее лицо оставалось невозмутимым и спокойным, глаза ни капли не бегали. Убедившись, что меня не обманывают, я кивнул, поверив на слово, разжал ее руку и виновато улыбнулся:

— Спасибо тебе!

— Молодой господин излишне вежлив, — По-я тоже чувствовала изменения в Миняне. Он будто стерся начисто: сейчас он походил на чистый лист бумаги, на котором любой мог рисовать и писать что угодно. Она понятия не успела составить, чем же хозяин так обидел юного господина, раз тот предал его забвению!

— Так положено, — она и правда держалась очень спокойно. По сравнению с тем безумным мужчиной, чьи истерики я наблюдал ранее, с ней мне было куда комфортнее. Не то что тот псих — ну подумаешь, не узнал его, так нет же, начал меня трепать и даже отшлепал по задку! Ненавижу!

— Буль... буль... — в животе вдруг раздалось голодное урчание. Смущенно посмотрев на нее, я почувствовал, как щеки моментально заливают жаром!

— Молодой господин, подождите минутку, служанка сейчас же принесет еду, — с этими словами По-я стремглав выскочила за дверь: если морить молодого господина голодом, несдобровать никому из прислуги!

Возможно, в глазах Миняна хозяин и слыл спасителем человечества и великим благодетелем, но это лишь потому, что хозяин намеренно скрывал свою дурную сторону, не желая пугать юношу. На деле же характер и нрав хозяина были непредсказуемы, а отзывы окружающих — двоякими: праведники звали его Злым Князем, а люди темного пути — Демоническим Владыкой. Он балансировал на грани добра и зла, и оба мира одновременно уважали и страшили его. Лишь молодой господин был столь добросердечен, что идеализировал хозяина... Раньше она не смела произносить подобного вслух, да и теперь не осмелилась бы; во всем остальном Миняну предстояло разобраться самому...

Принеся еду, По-я осталась стоять рядом, ожидая указаний. То ли оттого, что я проголодался, то ли еще почему, но ел я быстро. Вдруг за спиной ощутился чей-то обжигающий взгляд. Обернувшись, я заметил в дверях того самого ненавистного типа. От испуга я выронил миску, шарахнулся назад и тут же спрятался за спину По-я, рефлекторно прикрыв пятую точку рукой — мне казалось, я до сих пор чувствую боль от тех шлепков. Я следил за ним с крайним ожесточением, даже не заметив, как тело По-я слегка задрожало...

— Подойди, Минян.

Видя, как явно Минян сторонится его и как панически боится, Цинкуан не мог сказать, что ему не больно, но пугать юношу дальше он не смел, оставалось лишь говорить мягко.

— Не...